

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

10

■ 2017 (220)

6+

етская

ИМЕНА:

Самуил Маршак

РАССКАЗЫ:

Ромка

УГОЛОК РОССИИ:

Маленькая Швейцария

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Николай Кун

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Художник Н. Устинов

Иван Бунин

Октябрьский рассвет

Ночь побледнела, и месяц садится
За реку красным серпом.
Сонный туман на лугах серебрится,
Черный камыш отсырел и дымится,
Ветер шуршит камышом.

Тишь на деревне. В часовне лампада
Меркнет, устало горя.
В трепетный сумрак озябшего сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдеет заря.

1887

Древнегреческая фреска

В номере:

3

Николай Кун

Легенды и мифы Древней Греции

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Борис Косильников

Рисунок должен быть лёгким и красивым...

21

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Маленькая Швейцария

24

ЛИЦЕЙ

Константин Дмитриев

Рождение книги

26

РАССКАЗЫ

Нина Ядне

Ромка

28

ЖИВОЙ УГОЛОК

Николай Красильников

Вернулись...

Косенький

30

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Пусть добрым будет ум у вас...»

34

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Юрий Буковский

Об ужаснейшем уже

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Олег Болдырев

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495)941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 6592-2017

© «Роман-газета», 2017 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

РОЖДЕНИЕ ПЕРСЕЯ

У царя Аргоса Акрисия, внука Линкея, была дочь Данаая, славившаяся своей неземной красотой. Акрисию было предсказано оракулом, что он погибнет от руки сына Данаи. Чтобы избежать такой судьбы, Акрисий построил глубоко под землей из бронзы и камня обширные покои и там заключил свою дочь Данаю, чтобы никто не видал её.

Но великий громовержец Зевс полюбил её, проник в подземные покои Данаи в виде золотого дождя, и стала дочь Акрисия женой Зевса. От этого брака родился у Данаи прелестный мальчик. Мать назвала его Персеем.

Недолго прожил маленький Персей со своей матерью в подземных покоех. Однажды Акрисий услышал голос и веселый смех маленького Персея. Он спустился к своей дочери, чтобы узнать, почему слышится в её покоех детский смех. Акрисий удивился, увидав ма-

ленького прелестного мальчика. Как испугался он, узнав, что это сын Данаи и Зевса. Тотчас вспомнилось ему предсказание оракула. Опять пришлось ему думать, как избежать судьбы. Наконец Акрисий велел сделать большой деревянный ящик, заключил в него Данаю и сына её Персея, забил ящик и приказал бросить в море.

Долго носился ящик по бурным волнам соленого моря. Гибель грозила Данае и её сыну. Волны бросали ящик из стороны в сторону, то высоко подымали его на своих гребнях, то опускали в пучину моря. Наконец вечно шумящие волны пригнали ящик к острову Серифу. В то время на берегу ловил рыбу рыбаки Диктис. Он только что закинул в море сети. Запутался ящик в сетях, и вместе с ними Диктис вытащил его на берег. Он открыл ящик и, к своему удивлению, увидел в нем поразительной красоты женщину и маленького прелестного мальчика. Диктис отвел их к своему брату, царю Серифа, Полидекту.

Вырос при дворце царя Полидекта Персей и стал сильным, стройным юношей. Как звезда, блистал он среди юношей Серифа своей божественной красотой, никто не был ему равен ни красотой, ни силой, ни ловкостью, ни мужеством.

ПЕРСЕЙ УБИВАЕТ ГОРГОНУ МЕДУЗУ

Полидект замыслил насильно взять себе в жены прекрасную Даная, но Даная ненавидела сурового царя Полидекта. Персей заступился за свою мать. Разгневался Полидект, и с этого времени он думал только об одном — как погубить ему Персея. В конце концов жестокий Полидект решил послать Персея за головой горгоны Медузы. Он призвал Персея и сказал ему:

— Если ты действительно сын громовержца Зевса, то не откажешься совершить великий подвиг. Сердце твое не дрогнет ни перед какой опасностью. Докажи же мне, что Зевс — твой отец, и принеси мне голову горгоны Медузы. О, верю я, Зевс поможет своему сыну!

Гордо взглянул Персей на Полидекта и спокойно ответил:

— Хорошо, я добуду тебе голову Медузы.

Отправился Персей в далекий путь. Ему нужно было достигнуть западного края земли, той страны, где царили богиня Ночь и бог смерти Танат. В этой стране жили и ужасные горгоны. Все тело их покрывала блестящая и крепкая, как сталь, чешуя. Ни один меч не мог разрубить эту чешую, только изогнутый меч Гермеса. Громадные медные руки с острыми стальными когтями были у горгон. На головах у них вместо волос двигались, шипя, ядовитые змеи. Лица горгон, с их острыми, как кинжалы, клыками, с губами, красными, как кровь, и с горящими яростью глазами были исполнены такой злобы, были так ужасны, что в камень обращался всякий от одного взгляда на горгон. На крыльях с золотыми сверкающими перьями горгоны быстро носились по воздуху. Горе человеку, которого они встречали! Горгоны разрывали его на

части своими медными руками и пили его горячую кровь.

Тяжелый, нечеловеческий подвиг предстояло совершить Персею. Но боги Олимпа не могли дать погибнуть ему, сыну Зевса. На помощь ему явился быстрый, как мысль, посланник богов Гермес и любимая дочь Зевса, воительница Афина. Афина дала Персею медный щит, такой блестящий, что в нем, как в зеркале, отражалось все; Гермес же дал Персею свой острый меч, который рубил, как мягкий воск, самую твердую сталь. Вестник богов указал юному герою, как найти горгон.

Долог был путь Персея. Много стран прошел он, много видел народов. Наконец достиг он мрачной страны, где жили старые грайи. Один только глаз и один зуб имели они на всех трех. По очереди пользовались они ими. Пока глаз был у одной из грай, две другие были слепы, и зрячая грайя вела слепых, беспомощных сестер. Когда же, вынув глаз, грайя передавала его следующей по очереди, все три сестры были слепы. Эти-то грайи охраняли путь к горгонам, только они одни знали его. Тихо подкрался к ним во тьме Персей и, по совету Гермеса, вырвал у одной из грай чудесный глаз как раз в тот миг, когда она передавала его своей сестре. Вскрикнули грайи от ужаса. Теперь они все трое были слепы. Что делать им слепым и беспомощным? Стали они молить Персея, заклиная его всеми богами, отдать им глаз. Они готовы были сделать все для героя, лишь бы он вернул им их сокровище. Тогда Персей потребовал у них за возвращение глаза указать ему путь к горгонам. Долго колебались грайи, но пришлось им, чтобы вернуть себе зрение, указать этот путь. Так узнал Персей, как попасть ему на остров горгон, и быстро отправился дальше.

Во время дальнейшего пути пришел Персей к нимфам. От них получил он три подарка: шлем властителя подземного царства Аида, который делал невидимым всякого, кто его надевал, сандалии с крыльями, с помощью которых можно было быстро носиться по воздуху, и волшебную сумку: эта сумка то расширялась, то сжималась, смотря по величине того, что в ней лежало. Надел Персей крылатые сандалии, шлем

Аида, перекинул через плечо чудесную сумку и быстро понесся по воздуху к острову горгон.

Высоко в небе неслись Персей. Под ним расстилась земля с зелеными долинами, по которым серебряными лентами вились реки. Города виднелись внизу, в них ярко сверкали белым мрамором храмы богов. Вдали высились горы, покрытые зеленью лесов, и, как алмазы, горели в лучах солнца их вершины, покрытые снегом. Вихрем несется Персей все дальше и дальше. Он летит так высоко, как не взлетают и орлы на своих могучих крыльях. Вот блеснуло вдали, как расплавленное золото, море. Теперь над морем летит Персей, и шум морских волн едва уловимым шорохом доносится до него. Вот уже не видно земли. Во все стороны, куда только хватает взора Персея, раскинулась под ним равнина вод. Наконец в голубой дали моря черной полоской показался остров. Все ближе он. Это остров горгон. Что-то нестерпимым блеском сверкает в лучах солнца на этом острове.

Ниже спустился Персей. Как орел, парит он над островом и видит: на скале спят три ужасные горгоны. Они раскинули во сне свои медные руки, огнем горят на солнце их стальная чешуя и золотые крылья. Змеи на их головах чуть шевелятся во сне. Скорей отвернулся Персей от горгон. Боятся увидеть он их грозные лица — ведь один взгляд, и в камень обратится он. Взял Персей щит Афины-Паллады — как в зеркале отразились в нем горгоны. Которая же из них Медуза? Как две капли воды похожи друг на друга горгоны. Из трех горгон лишь Медуза смертна, только её можно убить. Задумался Персей. Тут помог Персею быстрый Гермес. Он указал Персею Медузу и тихо шепнул ему на ухо:

— Скорей, Персей! Смелее спускайся вниз. Вон, крайняя к морю Медуза. Отруби ей голову. Помни, не смотри на нее! Один взгляд, и ты погиб. Спеш, пока не проснулись горгоны!

Как падает с неба орел на намеченную жертву, так ринулся Персей к спя-

щей Медузе. Он глядит в ясный щит, чтобы верней нанести удар. Змеи на голове Медузы почуяли врага. С грозным шипением поднялись они. Пошевелинулась во сне Медуза. Она уже приоткрыла глаза. В этот миг, как молния, сверкнул острый меч. Одним ударом отрубил Персей голову Медузе. Ее темная кровь потоком хлынула на скалу, а с потоками крови из тела Медузы взвился к небу крылатый конь Пегас и великан Хрисаор. Быстро схватил Персей голову Медузы и спрятал её в чудесную сумку. Извиваясь в судорогах смерти, тело Медузы упало со скалы в море. От шума его падения проснулись сестры Медузы, Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, они взвились над островом и горящими яростью глазами смотрят кругом. Горгоны с шумом носятся по воздуху, но бесследно исчез убийца сестры их Медузы. Ни одной живой души не видно ни на острове, ни далеко в море. А Персей быстро неся, невидимый в шлеме

Аида, над шумящим морем. Вот уже несется он над песками Ливии. Сквозь сумку просочилась кровь из головы Медузы и падала тяжелыми каплями на песок. Из этих капель крови породили пески ядовитых змей. Все кругом кишело ими, все живое обращалось в бегство от них; змеи обратили Ливию в пустыню.

ПЕРСЕЙ И АТЛАС

Все дальше несется Персей от острова горгон. Подобно туче, которую гонит бурный ветер, мчится он по небу. Наконец он достиг той страны, где царил сын титана Япета, брат Прометея, великан Атлас. Тысячи стад тонкорунных овец, коров и быков круторогих паслось на полях Атласа. Роскошные сады росли в его владениях, а среди садов стояло дерево с золотыми ветвями и листвой, и яблоки, которые росли на

этом дереве, были тоже золотые. Атлас хранил, как зеницу ока, это дерево, оно было его величайшим сокровищем. Богиня Фемида предсказала ему, что наступит день, когда придет к нему сын Зевса и похитит у него золотые яблоки. Боялся этого Атлас. Он окружил сад, в котором росло золотое дерево, высокой стеной, а у входа поставил стражем низвергающего пламя дракона. Атлас не допускал чужеземцев в свои владения — он боялся, что среди них явится и сын Зевса. Вот к нему-то и прилетел в своих крылатых сандалиях Персей и обратился к Атласу с такими приветливыми словами:

— О Атлас, прими меня, как гостя, в твоём доме. Я — сын Зевса, Персей, убивший горгону Медузу. Дай мне отдохнуть у тебя от моего великого подвига.

Когда Атлас услышал, что Персей — сын Зевса, тотчас же вспомнил он предсказание богини Фемиды и потому грубо ответил Персею:

— Убирайся отсюда! Тебе не поможет твоя ложь о великом подвиге и о том, что ты — сын громовержца.

Атлас хочет уже выгнать за дверь героя. Персей, видя, что не может он бороться с могучим великаном, сам спешит выйти из дома. Гнев бушует в сердце Персея; его рассердил Атлас тем, что отказал ему в гостеприимстве да ещё называл лжецом.

В гневе Персей говорит великану:

— Хорошо же, Атлас, ты прогоняешь меня! Ну, так прими же по крайней мере от меня подарок!

С этими словами быстро вынул Персей голову Медузы и, отвернувшись, показал её Атласу. Тотчас же обратился в гору великан. Его борода и волосы обратились в густолиственные леса, руки и плечи — в высокие скалы, голова — в вершину горы, ушедшую в самое небо. С тех пор поддерживает гора Атлас весь небесный свод, со всеми его созвездиями.

Персей же, когда взошла на небо утренняя звезда, понёсся дальше.

ПЕРСЕЙ СПАСАЕТ АНДРОМЕДУ

После долгого пути Персей достиг царства Кефея, лежавшего в Эфиопии на берегу Океана. Там, на скале, у самого берега моря он увидел прикованную прекрасную Андромеду, дочь царя Кефея. Она должна была искупить вину своей матери, Кассиопеи. Кассиопея прогневала морских нимф. Гордясь своей красотой, она сказала, что всех прекрасней она, царица Кассиопея. Разгневались нимфы и умолили бога морей Посейдона наказать Кефея и Кассиопею. Посейдон послал, по просьбе нимф, чудовище, подобное исполинской рыбе. Оно всплывало из морской глубины и опустошало владения Кефея. Плачем и стонами наполнилось царство Кефея. Он обратился наконец к оракулу Зевса Аммону и спросил, как избавиться ему от этого несчастья. Оракул дал такой ответ:

— Отдай свою дочь Андромеду на растерзание чудовищу, и окончится тогда кара Посейдона.

Народ, узнав ответ оракула, заставил царя приковать Андромеду к скале у моря. Бледная от ужаса, стояла у подножия скалы в тяжёлых оковах Андромеда; с невыразимым страхом смотрела она на море, ожидая, что вот-вот появится чудовище и растерзает её. Слёзы катились из её глаз, ужас охватывал её от одной мысли о том, что должна она погибнуть в цвете прекрасной юности, полная сил, не изведав радостей жизни. Её-то и увидел Персей. Он принял бы её за дивную статую из белого паросского мрамора, если бы морской ветер не развеивал её волос и не падали из её прекрасных глаз крупные слёзы. С восторгом смотрит на нее юный герой, и могучее чувство любви к Андромеде загорается в его сердце. Персей быстро спустился к ней и ласково спросил её:

— О, скажи мне, прекрасная дева, чья это страна, назови мне твое имя! Скажи, за что прикована ты здесь к скале?

Андромеда рассказала, за чью вину приходится ей страдать. Не хочет прекрасная дева, чтобы герой подумал, что искупает она собственную вину. Ещё не окончила свой рассказ Андромеда, как

заклокотала морская пучина, и среди бушующих волн показалось чудовище. Оно высоко подняло свою голову с разверстой громадной пастью. Громко вскрикнула от ужаса Андромеда. Обезумев от горя, прибежали на берег Кефей и Кассиопея. Горько плачут они, обнимая дочь. Нет ей спасенья!

Тогда заговорил сын Зевса, Персей:

— Еще много будет у вас времени лить слезы, мало времени лишь для спасения вашей дочери. Я — сын Зевса, Персей, убивший обвитую змеями горгону Медузу. Отдайте мне в жены вашу дочь Андромеду, и я спасу её.

С радостью согласились Кефей и Кассиопея. Они готовы были сделать все для спасения дочери. Кефей обещал ему даже все царство в приданое, лишь бы он спас Андромеду. Уже близко чудовище. Оно быстро приближается к скале, широкой грудью рассекая волны, подобно кораблю, который несется по волнам, как на крыльях, от взмахов вёсел могучих юных гребцов. Не далее полёта стрелы было чудовище, когда Персей взлетел высоко в воздух. Тень его упала в море, и с яростью ринулось чудовище на тень героя. Персей смело бросился с высоты на чудовище и глубоко вонзил ему в спину изогнутый меч. Почувствовав тяжкую рану, высоко поднялось в волнах чудовище; оно бьется в море, словно кабан, которого с неистовым лаем окружила стая собак; то погружается оно глубоко в воду, то вновь всплывает. Бешено бьёт по воде чудовище своим рыбьим хвостом, и тысячи брызг взлетают до самых вершин прибрежных скал. пеной покрылось море. Раскрыв пасть, бросается чудовище на Персея, но с быстротой чайки взлетает он в своих крылатых сандалиях. Удар за ударом наносит он. Кровь и вода хлынули из пасти чудовища, поражённого насмерть. Крылья сандалий Персея намокли, они едва держат на воздухе героя. Быстро понёсся могучий сын Данаи к скале, которая выдавалась из моря, обхватил её левой рукой и трижды погрузил свой меч в широкую грудь чудовища. Окончен ужасный бой. Радостные крики несутся с берега. Все славят могучего героя. Сняты оковы с прекрасной Андромеды, и, торжествуя победу, ведет Персей свою невесту во дворец отца её Кефея.

СВАДЬБА ПЕРСЕЯ

Богатые жертвы принес Персей отцу своему Зевсу, Афине-Палладе и Гермесу. Весёлый свадебный пир начался во дворце Кефея. Гименей и Эрот зажгли свои благоухающие факелы. Весь дворец Кефея увит зеленью и цветами. Громко раздаются звуки кифар и лир, гремят свадебные хоры. Двери дворца открыты настежь. Пиршественный зал горит золотом. Кефей и Кассиопея пируют с новобрачными, пирует и весь народ. Веселье и радость царят кругом. За пиром Персей рассказывает о своих подвигах. Вдруг грозный звон оружия раздался в пиршественном зале. По дворцу разнёсся военный клич, подобный шуму моря, когда оно, вздымаясь, бьётся своими гонимыми бурным ветром волнами о высокий скалистый берег. Это пришёл первый жених Андромеды, Финей, с большим войском.

Войдя во дворец и потрясая копьем, громко воскликнул Финей:

— Горе тебе, похититель невест! Не спасут тебя от меня ни твои крылатые сандалии, ни даже сам Зевс-громовержец!

Финей хотел уже бросить копьем в Персея, но царь Кефей остановил его словами:

— Что ты делаешь? Что заставляет тебя так безумствовать? Так хочешь ты наградить подвиг Персея? Это будет твоим свадебным подарком? Разве похитил у тебя Персей твою невесту? Нет, она была похищена у тебя тогда, когда её вели приковать к скале, когда она шла на гибель. Почему же ты тогда не явился к ней на помощь? Ты хочешь теперь отнять у победителя его награду? Зачем же не явился ты сам за Андромедой, когда она была прикована к скале, зачем тогда не отнял её у чудовища?

Ничего не ответил Кефею Финей, гневно смотрел он то на Кефея, то на прекрасного сына Зевса, и, вдруг, напрыгав все силы, бросил копьем в Персея. Мимо пролетело копье и вонзилось в ложе Персея. Вырвал его могучей рукой юный герой, вскочил с своего ложа и грозно замахнулся копьем. Он поразил бы насмерть Финея, но тот спрятался за жертвенник, и копье попало в голову героя Рета, и он упал мёртвым. Закипел

ужасный бой. Быстро принеслась с Олимпа воительница Афина на помощь своему брату Персею. Она прикрыла его своей эгидой и вдохнула в него непобедимое мужество. Ринулся в бой Персей. Как молния, блещет у него в руках смертоносный меч, которым он убил Медузу. Одного за другим разит он насмерть героев, пришедших с Финеем. Гора тел, залитых кровью, громоздится пред Персеем. Он схватил обеими руками огромную бронзовую чашу, в которой смешивали вино для пира, и метнул её в голову героя Эвритоя. Как поражённый громом, упал герой, и отлетела душа его в царство теней. Один за другим падают герои, но много привел их с собой Финей. Персей же — чужеземец в царстве Кефея, немного товарищей у него в битве, почти одному приходится ему бороться со множеством врагов. Многие соратники Персея уже пали в этой неистовой битве. Погиб, сраженный копьем, и певец, который сладкозвучным пением улаживал пирующих, играя на злато-струнной кифаре. Падая, певец задел за струны кифары, и печально, как предсмертный стон, зазвенели струны, но стук мечей и стоны умирающих заглушили звон струн. словно град, гонимый ветром, летят стрелы. Прислонясь к колонне и прикрывшись блестящим щитом Афины, бьётся с врагами Персей. А они со всех сторон окружили героя; бой вокруг него всё неистовей. Видя, что ему грозит неминуемая гибель, воскликнул громко могучий сын Данаи:

— У врага, сражённого мною, найду я помощь! Сами принудили вы меня искать у него защиты! Скорей отвернитесь все, кто друг мне!

Быстро вынул из чудесной сумки Персей голову горгоны Медузы и поднял её высоко над головой. Один за другим обращаются в каменные статуи нападающие на Персея герои. Одни из них окаменели, замахнувшись мечом, чтобы пронзить грудь врага, другие — потрясая острыми копьями, третьи — прикрывшись щитами. Один взгляд на голову Медузы обратил их в мраморные статуи. Весь пиршественный зал наполнился мраморными статуями. Страх объял Финея, когда увидел он, что все друзья его обратились в камень. Упав на колени и простирая руки с мольбой к Персею, воскликнул Финей:

— Ты победил, Персей! О, спрячь скорей ужасную голову Медузы, молю тебя — спрячь её. О, великий сын Зевса, все возьми, владей всем, только жизнь одну оставь мне!

С насмешкой ответил Персей Финею:

— Не бойся, жалкий трус! Не сразит тебя мой меч. На вечные времена дам я тебе награду! Вечно будешь ты стоять здесь во дворце Кефея, чтобы жена моя утешалась, глядя на изображение своего первого жениха.

Протянул к Финею герой голову Медузы, и, как ни старался Финей не глядеть на ужасную горгону, все же взгляд его упал на нее, и мигом обратился он в мраморную статую. Стоит обращенный в камень Финей, склонясь, как раб, пред Персеем. Навек сохранилось в глазах статуи-Финей выражение страха и рабской мольбы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРСЕЯ НА СЕРИФ

Недолго оставался Персей после этой кровавой битвы в царстве Кефея. Взяв с собой прекрасную Андромеду, он вер-

нулся на Сериф к царю Полидекту. Персей застал свою мать Данаю в великом горе. Спасаясь от Полидекта, ей пришлось искать защиты в храме Зевса. Не смела она ни на единый миг покинуть храм. Разгневанный Персей пришел во дворец Полидекта и застал его с друзьями за роскошным пиром. Полидект не ожидал, что Персей вернется, он был уверен, что герой погиб в борьбе с горгонами. Удивился царь Серифа, увидав пред собой Персея, а тот спокойно сказал царю:

— Твое приказание исполнено, я принес тебе голову Медузы.

Полидект не поверил, что Персей совершил такой великий подвиг. Он стал издеваться над богоравным героем и называл его лжецом. Издевались над Персеем и друзья Полидекта. Гнев закипел в груди Персея, он не мог простить оскорбления. Грозно сверкнув очами, Персей вынул голову Медузы и воскликнул:

— Если ты не веришь, Полидект, то вот тебе доказательство!

Полидект взглянул на голову горгоны и мгновенно обратился в камень. Не избежали этой участи и друзья царя, пировавшие с ним.

ПЕРСЕЙ В АРГОСЕ

Персей передал власть над Серифом брату Полидекта, Диктису, который некогда спас его с матерью, а сам с Данаей и с Андромедой отправился в Аргос. Когда дед Персея, Акрий, узнал о прибытии внука, то, вспомнив предсказание оракула, бежал далеко на север, в Лариссу. Персей же стал править в родном Аргосе. Он вернул шлем Аида, крылатые сандалии и чудесную сумку нимфам, вернул и Гермесу его острый меч. Голову же Медузы отдал он Афине-Палладе, а она укрепила её у себя на груди, на своем сверкающем панцире. Счастливо правил Персей в Аргосе.

Дед его Акрий не избежал того, что определил ему неумолимый рок. Однажды устроил Персей пышные игры. Много героев собралось на них. В числе зрителей был и престарелый Акрий. Во время состязания в метании тяжёлого диска Персей метнул могучей рукой бронзовый диск. Высоко, к самым облакам, взлетел тяжёлый диск, а падая на землю, попал со страшной силой в голову Акрисия и поразил его насмерть. Так

исполнилось предсказание оракула. Полный скорби, Персей похоронил Акрисия, сетуя, что стал невольным убийцей деда. Персей не захотел править в Аргосе, царстве убитого им Акрисия; он ушел в Тиринф и царствовал там много лет. Аргос же Персей отдал во владение своему родственнику Мегапенту.

СИЗИФ

Сизиф, сын бога повелителя всех ветров Эола, был основателем города Коринфа, который в древнейшие времена назывался Эфирой.

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимые богатства у себя в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах.

Когда пришёл к нему бог смерти мрачный Танат, чтобы низвести его в печальное царство Аида, то Сизиф, ещё раньше почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул бога Таната и заковал его в оковы. Перестали тогда на

земле умирать люди. Нигде не совершались большие пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведённый Зевсом. Тогда громовержец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел её в царство теней умерших.

Но и тут сумел помочь себе хитрый Сизиф. Он сказал жене своей, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Аид и Персефона долго ждали похоронных жертв.

Все нет их! Наконец приблизился к трону Аида Сизиф и сказал владыке царства умерших, Аиду:

— О, властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Так обманул Сизиф владыку Аида, и тот отпустил его на землю. Сизиф не вернулся, конечно, в царство Аида. Он остался в пышном дворце своём и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Аид, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти; навсегда отлетела теперь душа Сизифа в царство теней.

Тяжкое наказание несёт Сизиф в загробной жизни за все коварства, за все обманы, которые совершил он на земле. Он осуждён вкатывать на высокую, крутую гору громадный камень. Напрягая все силы, трудится Сизиф. Пот градом струится с него от тяжелой работы. Все ближе вершина; ещё усилие, и окончен будет труд Сизифа; но вырывается из рук его камень и с шумом катится вниз, подымая облака пыли. Снова принимается Сизиф за работу.

Так вечно катит камень Сизиф и никогда не может достигнуть цели — вершины горы.

ТАНТАЛ

В Лидии, у горы Сипила, находился богатый город, называвшийся по имени горы Сипилом. В этом городе правил любимец богов, сын Зевса Тантал. Всем в изобилии наградили его боги. Не было на земле никого, кто был бы богаче и счастливее царя Сипила, Тантала. Нечислимые богатства давали ему богатейшие золотые рудники на горе Сипиле. Ни у кого не было таких плодородных полей, никому не приносили таких прекрасных плодов сады и виноградники. На лугах Тантала, любимца богов, паслись громадные стада тонкорунных овец, круторогих быков, коров и табуны быстрых, как ветер, коней. У царя Тантала был избыток во всем. Он мог бы жить в счастье и довольстве до глубокой старости, но погубили его чрезмерная гордость и преступление.

Боги смотрели на своего любимца Тантала как на равного себе. Олимпийцы часто приходили в сияющие золотом чертоги Тантала и весело пировали с ним. Даже на светлый Олимп, куда не всходит ни один смертный, не раз всходил по зову богов Тантал. Там он принимал участие в совете богов и пировал за одним столом с ними во дворце своего отца, громовержца Зевса. От такого великого сча-

стья Тантал возгордился. Он стал считать себя равным даже самому тучегонителю Зевсу. Часто, возвращаясь с Олимпа, Тантал брал с собой пищу богов — амброзию и нектар — и давал их своим смертным друзьям, пируя с ними у себя во дворце. Даже те решения, которые принимали боги, совещаясь на светлом Олимпе о судьбе мира, Тантал сообщал людям; он не хранил тайн, которые поверял ему отец его Зевс. Однажды во время пира на Олимпе великий сын Крона обратился к Танталу и сказал ему:

— Сын мой, я исполню все, что ты пожелаешь, проси у меня всё, что хочешь. Из любви к тебе я исполню любую твою просьбу.

Но Тантал, забыв, что он только смертный, гордо ответил отцу своему, эгидодержавному Зевсу:

— Я не нуждаюсь в твоих милостях. Мне ничего не нужно. Жребий, выпавший мне на долю, прекрасней жребия бессмертных богов.

Громовержец ничего не ответил сыну. Он нахмурил грозно брови, но сдержал свой гнев. Он ещё любил своего сына, несмотря на его высокомерие. Вскоре Тантал дважды жестоко оскорбил бессмертных богов. Только тогда Зевс наказал высокомерного.

На Крите, родине громовержца, была золотая собака. Некогда она охраняла новорожденного Зевса и питавшую его чудесную козу Амалфею. Когда же Зевс вырос и отнял у Крона власть над миром, он оставил эту собаку на Крите охранять свое святилище. Царь Эфеса Пандарей, прельщённый красотой и силой этой собаки, тайно приехал на Крит и увёз её на своём корабле с Крита. Но где же скрыть чудесное животное? Долго думал об этом Пандарей во время пути по морю и наконец решил отдать золотую собаку на хранение Танталу. Царь Сипила скрыл от богов чудесное животное. Разгневался Зевс. Призвал он сына своего, вестника богов Гермеса, и послал его к Танталу потребовать у него возвращения золотой собаки. В мгновение ока примчался с Олимпа в Сипил быстрый Гермес, предстал перед Танталом и сказал ему:

— Царь Эфеса, Пандарей, похитил на Крите из святилища Зевса золотую собаку и отдал её на сохранение тебе. Все знают боги Олимпа, ничего не могут скрыть от них смертные! Верни собаку

Зевсу. Остерегайся навлечь на себя гнев громовержца!

Тантал же так ответил вестнику богов:

— Напрасно грозишь ты мне гневом Зевса. Не видал я золотой собаки. Боги ошибаются, нет её у меня.

Страшной клятвой поклялся Тантал в том, что говорит правду. Этой клятвой ещё больше разгневал он Зевса. Таково было первое оскорбление, нанесённое Танталом богам. Но и теперь не наказал его громовержец.

Кару богов навлёк на себя Тантал следующим, вторым оскорблением богов и страшным злодеянием. Когда олимпийцы собрались на пир во дворце Тантала, то он задумал испытать их всеведение. Царь Сипила не верил во всеведение олимпийцев. Тантал приготовил богам ужасную трапезу. Он убил своего сына Пелопса и его мясо под видом прекрасного блюда подал богам во время пира. Боги тотчас постигли злой умысел Тантала, никто из них не коснулся ужасного блюда. Лишь богиня Деметра, полная скорби по похищенной у нее дочери Персефоне, думая только о ней и в своем горе ничего не замечая вокруг, съела плечо юного Пелопса. Боги взяли ужасное блюдо, положили все мясо и кости Пелопса в котёл и поставили его на ярко пылавший огонь. Гермес же своими чарами опять оживил мальчика. Предстал он перед богами ещё прекраснее, чем был раньше, не хватало лишь у него того плеча, которое съела Деметра. По повелению Зевса великий Гефест тотчас изготовил Пелопсу плечо из блестящей слоновой кости. С тех пор у всех потомков Пелопса ярко-белое пятно на правом плече.

Преступление же Тантала переполнило чашу терпения великого царя богов и людей, Зевса. Громовержец низверг Тантала в мрачное царство брата своего Аида; там он и несёт ужасное наказание. Мучимый жаждой и голодом, стоит он в прозрачной воде. Она доходит ему до самого подбородка. Ему лишь стоит наклониться, чтобы утолить свою мучительную жажду. Но едва наклоняется Тантал, как исчезает вода, и под ногами его лишь сухая чёрная земля. Над головой Тантала склоняются ветви плодородных деревьев: сочные фиги, румяные яблоки, гранаты, груши и оливы висят низко над его головой; почти касаются его волос тяжёлые, спелые

грозди винограда. Изнурённый голодом, Тантал протягивает руки за прекрасными плодами, но налетает порыв бурного ветра и уносит плодоносные ветки. Не только голод и жажда терзают Тантала, вечный страх сжимает его сердце. Над его головой нависла скала, едва держится она, грозит ежеминутно упасть и раздавить своей тяжестью Тантала. Так мучается царь Сипила, сын Зевса Тантал в царстве ужасного Аида вечным страхом, голодом и жаждой.

ДЕДАЛ И ИКАР

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эрехтея. О нем рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрел Дедал для своей работы; им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

У этого-то великого художника был племянник Тал, сын его сестры Пердики. Тал был учеником своего дяди. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Можно было предвидеть, что Тал далеко превзойдет своего учителя. Дедал завидовал племяннику и решил убить его. Однажды Дедал стоял с племянником на высоком афинском Акрополе у самого края скалы. Никого не было видно кругом. Увидев, что они одни, Дедал столкнул племянника со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным. Упав со скалы, Тал разбился насмерть. Дедал поспешно спустился с Акрополя, поднял тело Тала и хотел уже тайно зарыть его в землю, но застали Дедала афиняне, когда он рыл могилу. Злодеяние Дедала открылось. Ареопаг присудил его к смерти.

Спасаясь от смерти, Дедал бежал на Крит к могущественному царю Миносу, сыну Зевса и Европы. Минос охотно принял под свою защиту великого художника Греции. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита. Он выстроил для него и знаменитый дворец Лабиринт, с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, не-

возможно было найти выхода. В этом дворце Минос заключил сына жены своей Пасифаи, ужасного Минотавра, чудовища с телом человека и головой быка.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпустить его царь с Крита; только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника, держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и наконец нашел способ освободиться от критской неволи.

— Если не могу я, — воскликнул Дедал, — спастись от власти Миноса ни сухим путем, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготавливать из них четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Мальчик беспечно резвился, его забавляла работа отца. Наконец Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли, укрепленные на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся на воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

— Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полета. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы соленые брызги волн не смочили твоих крыльев. Не подымайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко понеслись. Те, кто видел их полёт высоко над землей, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летят всё дальше и дальше.

Быстрый полет забавляет Икара, все смелее взмахивает он крыльями. Икар забыл наставления отца; он не летит уже следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, он взлетел высоко под самое небо, ближе к лучезарному солнцу. Па-

лящие лучи растопили воск, скреплявший перья крыльев, выпали перья и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, смотрит по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына:

— Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидал Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал свое искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путем!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским. Наконец прибили его волны к берегу острова; там нашел его Геракл и похоронил.

Дедал же продолжал свой полет и прилетел наконец в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала. Минос узнал, где скрылся художник, отправился с большим войском в Сицилию и потребовал, чтобы Кокал выдал ему Дедала.

Дочери Кокала не хотели лишиться такого художника, как Дедал. Они придумали хитрость. Уговорили отца согласиться на требования Миноса и принять его как гостя во дворце. Когда Минос принимал ванну, дочери Кокала вылили ему на голову котел кипящей воды; умер Минос в страшных мучениях. Долго жил Дедал в Сицилии. Последние же годы жизни провёл на родине, в Афинах; там стал он родоначальником Дедалидов, славного рода афинских художников.

Николай Альбертович КУН

Николай Альбертович Кун (21 мая 1877 года — 28 декабря 1940) — русский историк, писатель, педагог; автор популярной книги «Легенды и мифы Древней Греции» (1922), выдержавшей множество изданий на языках народов бывшего СССР и основных европейских языках.

Появился на свет в мае 1877 года в семье ученого

мальчик получил хорошее домашнее образование, рано научился свободно читать и изъясняться на нескольких языках.

Получив в 1903 году диплом историко-филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Кун устроился преподавателем в Тверскую женскую учительскую семинарию имени П. П. Максимовича, а два года спустя был приглашен продолжить образование в Берлинском университете. Возвратившись в Тверь в 1906 году, Николай Альбертович возглавил Тверское частное реальное училище. Вскоре женой Куна стала Елена Францевна Роупер, англичанка высокого происхождения, ради союза с начинающим ученым навсегда рассорившаяся с родителями, отказавшаяся от наследства и сменившая вероисповедание.

Научная карьера Николая Куна была стремительной и впечатляющей — ещё в молодом воз-

расте звание профессора ему присвоили сразу несколько ведущих университетов Москвы и Нижнего Новгорода. Кроме чтения лекций, посвященных истории культуры, религий, античного искусства, древних цивилизаций и ряда других дисциплин, Николай Альбертович также трудился редактором в Большой и Малой советских энциклопедиях, создав для них сотни заметок и статей по древней истории.

Последние годы Куна прошли в Черкизовском парке, на даче, где он скончался в возрасте шестидесяти трех лет.

и пианистки. Родители Николая происходили из старинных дворянских родов, имели глубокие русские, англо-шотландские и немецкие корни, благодаря чему

Рисунок должен быть
лёгким и красивым...

Борис КОСУЛЬНИКОВ

Борис Косульников родился в 1936 году. Окончил Московский Государственный художественный институт им. В. И. Сурикова, графический факультет в мастерской книги под руководством Б. А. Дягтерева. Член Московского Союза художников с 1970 года. Участник российских и международных выставок. Сотрудничает с издательством «Детская Роман-газета» со времени его основания в 1996 году. Вот что Борис Косульников рассказывает о себе.

Я всегда рисовал. Карандашом, тушью, сангиной, шариковой ручкой — всем, чем можно провести линию.

Писал акварелью, темперой, маслом. Был период увлечения гравюрой. Люблю работать с натуры, когда можно уловить неприду-

манное движение человека, неожиданный поворот старинной улицы или меняющийся силуэт горизонта. Эти впечатления так

Река Москва

Встреча с бабушкой

Пейзаж

На Афоне

или иначе вспоминаются при работе над книжной или журнальной иллюстрацией.

Мне интересно работать с разными авторами, с разными сюжетами. Так, когда издательство поручило мне сделать серию гравюр к роману С. С. Смирнова, я поехал в Брест изучить-понять среду, в которой сражались защитники крепости, прикоснуться к камням, буквально поли-

Родная деревня

На реке

Иллюстрации к книге Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский»

тым кровью героев, представить разрушительный огонь, выворачивающий из стен мощнейшие стальные конструкции, но не сломивший защитников крепости... Сделал несколько рисунков, которые помогли мне в дальнейшей работе над книгой.

И по контрасту с суровой «Брестской крепостью» — яркие, трагическо-весёлые иллюстрации к «Приключениям Одиссея». Это свет, простор, абсолютная свобода для фантазии художника. Вот несколько иллюстраций к «Одиссею».

Азартно рисовались индийские сказки в книге Александра Разумихина «У подножия Гималаев».

Когда же мне доверяют сопроводить рисунками какие-либо произведения в «Детской Роман-газете», я в первую очередь решаю, какие сюжеты надо выбрать для иллюстраций, как будут выглядеть кар-

Буря

тинки — тёмные или светлые, яркие по цвету или сдержанные, весёлые или жёсткие, трагические.

Всё это начальная, но совершенно необходимая часть работы. А уж потом идёт собственно рисование. И обязательно всё время думаю о тебе, читателе-зрителе: поймёшь ли ты происходящее, передадутся ли тебе мои страсти и переживания, которые я старался тебе передать своими рисунками. Как видишь, работа у меня долгая, трудо-

Индийские сказки

Брестская крепость

Персональные выставки:

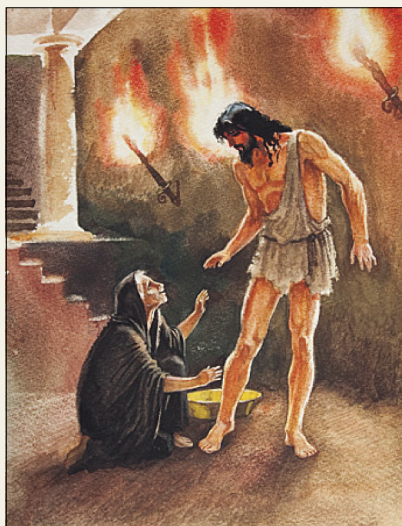
1984 — Дом ученых СО Академии наук СССР (Новосибирск)

1989 — Центральный дом литераторов (Москва)

1991 — Centre International (Грасс, Франция)

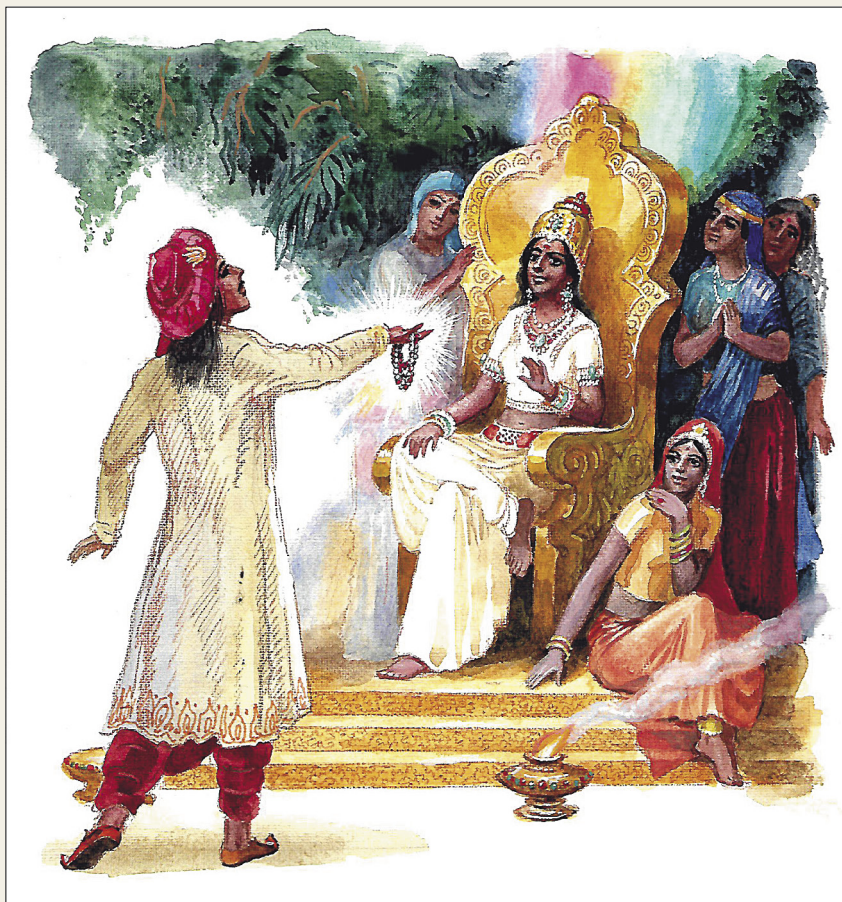
2007 — Участие в международном Биенале «Искусство и революция» (Тегеран, Иран)

2014 — Иллюстрации к детским книгам в Музее Эклибриса. Произведения художника находятся в частных собраниях в России, Франции, Германии, Греции

Приключения Одиссея

ёмкая, но и интересная и азартная. И ещё у меня одна забота — надо, чтобы ты, мой зритель-читатель, не видел всего того, что я только что наговорил: рисунок должен быть лёгким и красивым. Это надо и тебе, и мне, и журналу.

Индийские сказки

Храм Святых равноапостольных Константина и Елены

Маленькая Швейцария

Есть под Петербургом железнодорожная станция с необычным именем — «Бернгардовка». Окончание этого названия русское, а вот корень звучит по-иностранному. И сразу возникает вопрос — кто же такой этот Бернгард, именем которого назвали железнодорожную станцию? Чем он прославился в истории России? Может, это какой-нибудь великий средневековый рыцарь или знаменитый учёный?

Ни тем, ни другим петербургский кондитер, купец второй гильдии Иоганн Бернгард не являлся. И вряд ли железнодорожная станция получила бы его имя, если бы железнодорожные пути не прошли напрямик по участку Бернгарда, который он приобрёл незадолго до начала строительства пригородной железной дороги.

«Мыза» (так называли в Прибалтике отдельно стоящее помещичье хозяйство), которую он купил, первоначально называлась «Христиновка». Происхождение этого названия точно не известно. Возможно, оно связано с именем жены одного из прежних владельцев участка — фон Брандке или О. Ф. Гренцлера. Но предшественники Бернгарда не успели или не захотели осва-

ивать земли на речке Лубья. Их современная история начинается с Бернгарда.

Правда, и в этом случае станция могла называться по-иному. Но незадолго до своей смерти, которая случилась в 1913 году, Иоганн Бернгард сумел добиться переименования станции «Христиновка». И до сих пор его именем называется и платформа, и целый микрорайон города Всеволожска, хотя от деятельности кондитера и предпринимателя здесь уже не осталось никаких следов.

А хозяйство Иоганн Бернгард устроил большое: целую ферму, которая после революции без особых технических изменений превратилась в совхоз. Построил вместительный двухэтажный дом. Огромная семья купца успешно управлялась со всем хозяйством и получала неплохую прибыль. Но сразу после революции почти вся семья (кроме внучки Елизаветы) покинула Россию. Сам Иоганн Бернгард уже покоем на Северном кладбище Санкт-Петербурга.

Бернгарды были подданными Швейцарии и предпочли в годину смуты переселиться в спокойное и благополучное европейское государ-

Карабельные сосны

Столетняя ель в парке «Софиевка»

ство. Сейчас в Швейцарии живут потомки фермера-кондитера. В 1990 году они посещали свои бывшие владения.

А пока Бернгарды оставались в России, каждый год 1 августа в их усадьбу съезжались все швейцарцы, жившие в Петербурге, и праздновали национальный день Швейцарии. Бернгардовка стала маленькой колонией этой европейской страны на петербургской земле. Все сельскохозяйственные работы шли по швейцарской технологии, даже породы коров были заграничные. Стадо пасли «альпийские пастухи» сенбернары. Доили коров только мужчины, хотя у здешних финнов и русских дойка считалась женским делом.

В окрестностях Всеволожска есть небольшие горки (город располагается на территории Колтушской возвышенности), но микрорайон Бернгардовка — равнинный. Единственное, что разнообразит здешний пейзаж, — извилистая, быстрая речка Лубья. До альпийских высот берегам Лубьи далеко, но что-то горное тем не менее ощущается в парке «Софиевка», который соседствует с землями бывшего имения Бернгарда.

Создатель парка и владелец имения «Софиевка», сосед Бернгарда — Эдуард Евграфович фон Лоде, статский советник, чиновник Министерства государственных имуществ. Он владел дачей до 1877 года, затем усадьбу купил прусский подданный, предприниматель Эбергард (так что станцию можно было назвать и «Эбергардовкой»). Почти как на карте Европы, поблизости одна от другой возникли маленькая Швейцария и маленькая Пруссия. И та и другая — с местным, русско-финским колоритом. Вместо мощного немецкого Рейна — узкая мелкая Лубья. Но за счёт того, что Лубья чрезвычайно извилиста, на её берегах можно было создавать самые разнообразные ландшафты. За каждым поворотом прибрежной тропки открывались новые, неожиданные виды.

Найти «Софиевку» постороннему человеку сейчас нелегко — для этого придётся сначала идти от станции по шоссе, лишённому тротуаров, а потом пробираться задворками современных дач и особняков до не отмеченного никакими вехами входа в парк. Но то, что вы увидите, стоит этих усилий. Природа вместе с трудами безвестных садовых архитекторов созда-

Железнодорожная станция «Бернгардовка». Старое фото

Извилистая речка Лубья

ла здесь уголок, как будто перенесённый из другого, сказочного мира.

В центре парка — огромный искусственный пруд, окружённый древними тенистыми дубами и столетними елями. Он ограждён низкой каменной плотиной, по которой идёт тропа.

Под ногами путешественника журчит вода, и хотя камни лежат прочно, переход плотины напоминает хорошо известные водяные аттракционы Петергофа, особенно весной или после дождей. Только в Петергофе эти игры всегда сопровождаются шумом, смехом и криками, а здешние пейзажи навевают задумчивость. Это поистине уединённый уголок, несмотря на то, что парк активно используется местными жителями для воскресного отдыха и прогулок с детьми.

Еще одно сокровище парка «Софиевка» — старинная лиственничная аллея. Её иногда называют «Петровской» (интересно, почему?). Огромные лиственницы, зелёные летом и жёлтые осенью, выстроились в два ряда от начала до конца зелёного острова. Вокруг центральной аллеи растут древние ели и дубы, а внешний периметр парка составляют корабельные сосны. Это сочетание лиственниц, елей, лиственных пород и сосен — отличительная особенность бернгардовского парка. Оно делает пейзаж разнообразным, живым в любое время года и создаёт ощущение простора, хотя парк по площади не больше рядового городского сквера. В парке сохранились и остатки яблоневого сада, заложенного Эбергардом.

Парк «Софиевка»

Наверное, и при своём основателе фон Лоде парк был небольшим. Но по мере своих возможностей хозяин Христиновки сделал невероятно много: создал уголок красоты, который до сих пор не растворился в окружающем дачном беспорядке. В этом ему помогала и природа, и собственный вкус.

И всё же потери Бернгардовка и Софиевка тоже понесли немалые. Исчез без следа усадебный дом Бернгардов. Сгорел в конце 80-х годов XX века усадебный дом Эбергарда в имении Софиевка на берегу пруда, разобраны старинные кирпичные флигели в той же усадьбе. Со всех сторон наплывают на старинный парк современные дачи. Для устройства новых дачных участков частично вырубают корабельные сосны. Ближайшие окрестности парка «лысеют» и, когда деревья теряют по осени листву и парк делается прозрачным, становится видно, насколько он крохотный. Только старинные ели ещё очерчивают его границы, не дают им стереться. Немало урона наносят парку и иные отдыхающие, которые оставляют после себя мусор.

С грязнулями ведут постоянную борьбу и муниципальные дворники, и местные жители, которые устраивают субботники по уборке территории. Но «Софиевка» даёт простор не только для каждодневной заботы о чистоте: здесь интересно вести орнитологические наблюдения за утками, живущими на пруде и речке, изучать ботанический состав растений парка и его планировку. Много ещё предстоит сделать и историкам-профессионалам, и краоведам-любителям: прошлое Бернгардовки и Софиевки известно лишь в общих чертах. Возможно, исследователей этих мест ожидают исторические сюрпризы и настоящие открытия.

Из истории книгопечатания

Рождение КНИГИ

Апостол — первая русская печатная книга. 1564 г.

В Москве в Театральном проезде стоит памятник русскому первопечатнику Ивану Фёдорову. В руке книжник держит развернутый, должно быть, только что изготовленный оттиск и внимательно смотрит на строки, будто оценивая свою работу. Первая книга Ивана Фёдорова называлась «Апостол» и вышла 1 марта

1564 года. Эта дата тем более примечательна, что до XVIII века Новый год в России отмечался именно в первый день весны. На начало января празднование перенес Петр Великий в 1701 году. Таким образом, 1564 год ознаменовался на Руси появлением книгопечатания.

Однако история с Иваном Фёдоровым не столь

проста, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, Фёдоров действовал не один, а вместе с соратником. Звали того Петр Тимофеев Мстиславец. Таким образом, русских первопечатников получалось двое. Во-вторых, книгопечатание в России существовало ещё до Ивана Фёдорова.

Первая русская типография открылась в 1553 году, за 11 лет до фёдоровского «Апостола». Выпустила она семь книг, но, к сожалению, ни в одной не

Издательская марка Фёдорова

Инициалы и орнаменты русской рукописной книги

Памятник Ивану Фёдорову в Москве

было указано имя печатника. Поэтому первую отечественную типографию историки справедливо назвали анонимной. А слава первопроходца досталась Ивану Фёдорову.

И тем не менее Ивана Фёдорова без преувеличения можно назвать выдающимся не только русским, но славянским про-

светителем. Помимо Москвы он работал в белорусском городе Заблудове и в украинском Львове, где в 1574 году выпустил первые печатные книги на украинском языке — «Азбуку» и «Апостол». Его типография внесла неоценимый вклад в развитие книгопечатания.

В XVI веке это явление не всеми воспринималось положительно. Несмотря на то, что изначально из-под станка выходили книги преимущественно духовные, некоторые церковные иерархи видели в печатании угрозу своей интеллектуальной монополии на умы паствы. Дальнейшая история показала, что их опасения были не безосновательны. Судьба некоторых первопечатников была трагична. Именно из-за реакционных гонений со стороны Ивана Грозного Фёдоров был вынужден покинуть Москву и работать в других славянских землях. Однако на заре книгопечатания он оказался первым русским человеком, который не побоялся поставить свое имя под этим дерзким начинанием, перевернув мир.

Оклад Евангелия. XVI в.

Первое фигурное изображение в московской печатной книге. 1560 г.

О Ашишки

Лягушки скакали парами
в сторону болота, где
кончали самоубийством.

Старый князь Болконский
не хотел свадьбы сына с
Наташей Ростовою и дал
ему год условно.

Кирбальмандынтурбинкасы
Баршидович — так ласково
называют своего учителя
жители села
Бешмарканыдандай.

Мальчик в лодке быстро
треб коромыслами.

Сначала Татьяна горячо
любила Онегина, а он её в
глаза не видел. Но когда она
похолодела, Евгений решил
начать всё снова. Было
поздно.

Когда русские дружинники
вышли на поле битвы, из-за
куртана выскочило монголо-
татарское иго.

По весне звери и птицы
улетают на юг.

Я бросился спать и на меня
напала мысль.

Запорожская Сечь
привлекала Тараса потому,
что там было военное
училище.

Земная ось — это только
воображаемая линия, но
Земля все-таки ухитряется
как-то вращаться на ней.

Ромка

Нина Николаевна Ядне родилась в тундре Ямала. Автор десяти книг и трёх фотоальбомов о жизни ненецкого народа. Член Союза российских писателей, член Союза писателей Чувашской Республики. Пишет на ненецком и русском языках. Проживает в городе Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ромке Ядне пять лет. Это крепкий мальчик с белым румяным лицом, чёрными блестящими глазками, которые становятся совсем узкими, когда он смеётся. Часто родные называют его «Аромако-Хаерако» (Ромка-Солнышко). Он одет в новые тёплые малицу и кисы, всегда подпоясан. И живёт он со своими родителями, братишкой, сестрёнками, дедушкой и бабушкой в тундре. Стойбище оленеводов состоит из четырёх чумов. Кругом белая безмолвная тундра. Утром к стойбищу подходит большое стадо оленей. Впереди всех бегут Авки (прирученные олени), которые спешат к своим маленьким хозяевам за кусочком хлеба.

Аромако, Яворако и Ланако (так ласково называет их Нина Хакэ) выходят из чума, чтобы угостить своих любимцев. Авки разных мастей хватают кусочки хлеба из рук ребятишек.

Позже Ромка с хореом в руках становится к загону из грузовых нарт, чтобы олени не выскакивали наружу. Мальчик знает, что взрослые будут подбирать ездовых быков для выезда по всяким неотложным делам: рыбалка, поиск пропавших

оленей, поездка за продуктами в посёлок или в гости.

Мальчик сам умеет запрягать оленей и часто во время касланий правит своей упряжкой из двух сильных, но смиренных быков и едет вслед за большим аргишом своего дедушки Тэтамбой Нися (Отец Тэтамбая).

Сегодня Рома Нися (Ромкин Папа — Денис Ядне), видать, собрался ехать на рыбалку. А вот и Рома Небя (Ромкина Мама — Елена) выбрала трёх смиренных быков — поедет за дровами. Позже оленей из загона отпустят, и Ромка со своим братиком и сестрёнкой будут играть в свои нехитрые игры: арканом ловить хан пыя (носы нарт), срезанные оленьи рога, будут запрягать друг друга в «упряжку», а один из них будет сидеть на маленьких деревянных саночках и они вместе с соседскими ребятишками будут бегать по просторам тундры недалеко от стойбища со своими любимыми собаками.

Ромка иногда вспомнит о том, что он должен привезти комки чистого снега на санках, чтобы бабушка растопила снег для воды. Забот у малышей не меньше, чем у взрослых, но в основном они, как и взрослые, стараются закончить все дела и игры на улице до темноты.

Но вчера был праздник. Когда в стойбище неожиданно прилетел тиртя нгано — летающая лодка (вертолёт), то Ромкины родители быстро побежали туда, обняли двух людей, которые вышли из «лодки» и привели их в свой чум. Это были Нина Хакэ (Бабушка Нина) и Дима Ирикэ Дедушка Дима) издалека.

Ирикэ — высокий мужчина с добрым приветливым лицом одет в новую малицу, поверх которой надет ной соок (суконный гусь с капюшоном). А Хакэ — крупная женщина в новой чёрной ягушке с красивым поясом, белых кисах и ненецкой шапке. У них было много амгарей (вещей, сумок, мешков). Все дети тундры боятся вертолётчиков, и они быстро попрятались в чум.

Сначала Ромка, Яворако и Лана тихо сидели на своей половине чума и молча наблюдали за гостями. Нина Хакэ что-то шумно рассказывала и вытаскивала гостинцы, а детям протянула мешок с игрушками. Тут малыши робко встали, перешли на другую половину чума и стали разбирать игрушки.

С утра Ирикэ стоял наравне с женщинами и держал верёвку, чтобы не выпускать ездовых оленей из загона. А Хакэ стояла недалеко, изредка вытаскивала из рукава ягушки фотоаппарат и снимала людей, оленей, собак, детей, нарты, бегущих диких оленей, которых гоняли собаки-лайки.

Люди в стойбище были среднего роста, а Нина Хакэ казалась Роме слишком крупной среди его родителей и соседей. Мальчик поглядывал на бабушку, потом подошёл к ней и неожиданно сказал: «Хакэ, тарсингаинган!» («Хакэ, ты такая упитанная!») Хакэ рассмеялась и очень долго хохотала. Ромка не понимал, отчего бабушка так долго смеётся, но спросить уже не решился.

На другое утро Ромка снова стоял рядом с Ниной Хакэ и вдруг спросил её: «Хакэ! Пыдар амге тарем нгаркан? Тяханд няд нум пеля ни нгадю!» («Хакэ, ты почему такая большая? Из-за тебя не видно целых полнеба!»)

Днём за чаепитием Нина Хакэ рассказала родным о разговоре с Ромкой, а те дружно расхохотались, а его мама прикрикнула: «Ромка, почему ты говоришь такие нехорошие слова своей бабушке? Нельзя обижать бабушку!»

Мальчик задумался, но всё равно не понял упреков своей мамы.

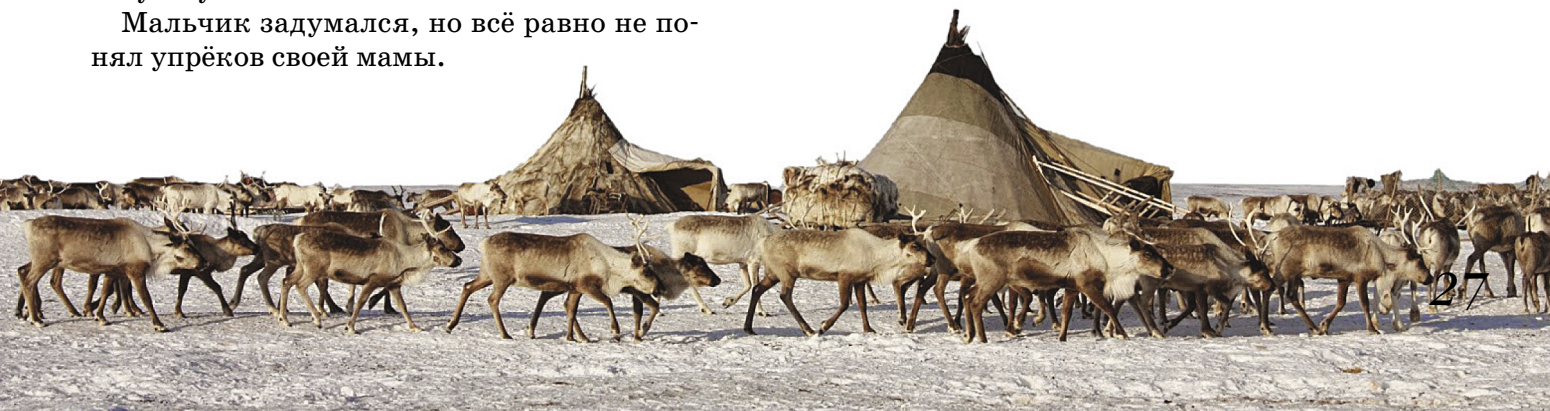

А в какой-то вечер Ромка ушёл в гости к семье Пуйко. Он долго отсутствовал, и родители поняли, что он остался там ночевать.

Наутро малыш пришёл в свой чум, переоделся в новую малицу и кисы, а вечером снова ушёл в чум бригадира. Только на второй день все узнали причину ухода Ромки в соседний чум: туда приехали гости из посёлка, и они, оказывается, привезли небольшую электростанцию «Хонда» и там два вечера ярко горела лампочка, все смотрели телевизор, рассказывали новости друг другу, пили и ели...

Бабушка Нина спросила Ромку: «Расскажи, что интересного в том чуме, если ты две ночи спал там?» Малыш долго молчал, а потом тихонько сказал: «Там были соки, йогурты, конфеты!» Взрослые молча улыбнулись.

В своём чуме все вечера Ромка старался быть рядом с Хакэ и Ирикэ. Они с ним беседовали по-ненецки, рассказывали сказки; а он иногда им напоминал о ручке и тетрадке для рисования. В тундре нет магазинов, но Ирикэ обещал купить ему всё это в посёлке, куда скоро поедут. Наконец, мальчик где-то в мешках с продуктами нашёл старую помятую газету, и потухшими чёрными угольками из железной печки-буржуйки стал рисовать буквы: Р, А, М, О. И всё-таки он вывел своё имя большими буквами — «РОМА».

Вернулись...

Марфа решила переехать к сыну в город. Раздала часть вещей соседям, а семь курочек во главе с бравым петухом подарила племяннице, что жила в соседней деревне.

Когда с хозяйством всё утряслось, Марфа стала ждать сына. И день проходит, и два. Она даже несколько раз выглядывала на дорогу: не покажется ли машина Серёги?

Нет, джип-вездеход не показывался, зато на третий день Марфа, к своему удивлению, на рассвете услышала у забора знакомое и гулкое: «Ку-ка-ре-ку!»

Она наскоро оделась, выглянула за калитку и обомлела: возле лавки стоял её бравый петух и куриный гарем. Пришлось впустить во двор птичье семейство. А как не впустишь? Очень удиви-

лась Марфа: как мог петух с курами найти такую неблизкую дорогу к родному дому? Ведь они дальше двора нигде не гуляли... Тронула и птичья преданность.

Серёга приехал в субботу. Марфа сидела на крыльце и латала старую кофту.

— Ты что, мать, не рада? — спросил сын после приветствия, заметив опечаленное лицо матери. — Собирайся, а я пока погружу вещи в машину.

— Никуда я не поеду, — сказала мать.

— Ты что, это серьёзно? — удивился Серёга.

— А то, — вздохнула Марфа. — На кого же я оставлю своих цыпочек?

В голосе её было столько грустной твёрдости, что Серёга понял — уговаривать мать бесполезно.

— Ну, тогда пойдём в избу, попьем чаю, — улыбнулся сын.

— Чай — это другое дело, — согласилась Марфа и заторопилась к самовару.

Косенький

Лесник Агафон на лесной поляне отбил у сорок мартовичка. Так зовут зайчат, появившихся на свет ранней весной. Крохотный такой, с детскую варежку. Принёс домой в кармане фуфайки. Поместил в коробку из-под пылесоса. Стал думать: чем бы покормить малыша? Пошёл на кухню, налил в блюдце молока. Поставил перед мартовичком. Прошло время, но зайчонок даже не притронулся к угощению. Тогда Агафон нашинковал морковку, отломил капустный лист. Но и к этим лакомствам мартовичок остался равнодушен.

«Мал ещё, не понимает, — решил Агафон. — Если совсем не будет есть, погибнет. Как быть?»

И тут к Агафону на помощь пришла жена.

— А ты попробуй подпустить зайчонка к Мурке, — посоветовала Настасья. — Она недавно окотилась.

Агафон так и поступил. Мурка лежала с котятами на тёплой рогожке в сенах. Она даже не обратила внимания на подкидыша.

А когда Агафон через некоторое время снова подошёл к Мурке, то увидел, как зайчонок вместе с котятами, прильнув к набухшим её соскам, с удовольствием лакомится кошкиным молоком. Почмокивает довольно. Знать, оно было не хуже родного, заячьего.

Так и прожил Косенький, как назвала мартовичка Настасья, всю весну и лето вместе с котятами и Муркой у Ага-

фона. Носился по избе, по двору, по огороду. Дразнил своим появлением соседских псов, а спал под поленницей дров. Только еда у них была разная. У кошек — потрошки, рыбка, а у Косенького — свежая травка, сенцо, разные очистки со стола.

Ближе к осени Косенький пропал. К этому времени он вырос. Шубка его сделалась густой, а удары задними лапами сильными, тугими... Наверное, убежал в лес. Такого теперь сороки не возьмут! Да что там сороки, лиса не догонит...

В ноябре выпал первый снег. На рассвете Настасья вышла на крыльцо. Посмотрела по сторонам и чуть не ахнула. Возле поленницы дров сидела Мурка, а рядом с ней прыгал вылинявший заяц.

— Агафон, Агафон, — позвала Настасья. — Смотри, кто к нам пожаловал, Косенький!

Лесник выглянул на голос жены.

Заяц на минуту замер, а когда увидел хозяев, взметнулся свечой и стреканул в сторону приоткрытой калитки.

Больше Косенького не видели.

«Пусть добрым

*Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.*

*Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки,
Оказалось, это брюки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!*

*...Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
(«Вот какой рассеянный»)*

Кто не знает или не слышал этих весёлых и в то же время поучительных строк Самуила Маршака! И хотя юмор и сатира были сродни его натуре, к детским стихам, ставшими уже классикой, он пришёл не сразу. Вот, к примеру, как он писал ранее:

*Баю-баюшки, баю,
Не ложися на краю.
Придёт серенький волчок,
И укусит за бочок!*

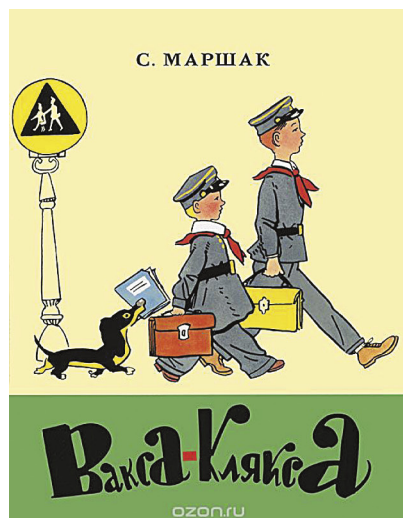

И, если первая строфа вполне годится вместо колыбельной песенки, то от некоторых следующих строк ребёнок не только не уснёт, но и может испугаться на ночь глядя:

*...А потом придёт медведь,
И отхватит ножки треть.
Ручку вынесет лиса!
Зайка высосет глаза!*

Как любое дело, что хочется довести до хорошего

уровня, поэзия требует и должной образованности, и большого трудолюбия. Правда, тут ещё и не обойтись без божьей искры, то есть таланта, который никаким трудом не восполнишь. Самуилу Яковлевичу он был дан, наверное, с рождения, иначе он не писал бы стихи с 4 лет, так же как и вряд ли бы отметил его способности сам Владимир Васильевич Стасов, патриарх в

будет ум у вас...»

Валентина Коростелёва

познании почти всех искусств, что процветали на начало XX века в России. Он и приветил будущего писателя, подарил ему не только внимание, но и кров в собственном доме. А будучи на даче Стасова, юный поэт познакомился с самим Максимом Горьким, который долгие годы поддерживал молодого Маршака, а после именно с ним разрабатывал программы по созданию журналов для юных читателей и солидного детского издательства.

Так что в этом плане Самуилу очень повезло. Но связи, даже такие, не заменят внутренней потребности двигаться вперёд в творческом плане. Ещё в детстве, когда его старший брат (по-домашнему Муля) во время походов из центра Петербурга домой на ходу сочинял какую-нибудь историю, то Самуил легко подхватывал и доводил сюжет до конца. Позднее, занимаясь в том числе и журналистикой, Маршак едет в Лондон, поступает в университет на факультет искусств, параллельно делая материалы для русских газет и журналов. Так вот где он причастился к английской поэзии, её ярким представителям: Вильяму Шекспиру, Вильяму Блейку, Роберту Бернсу, Редьярду Киплингу! Забегая вперёд, скажу, что перевод на русский язык полторы сотни

сонетов Шекспира принадлежат перу Маршака и ценятся любителями литературы. А творчество Роберта Бернса, где особенно ярко выражены и фольклорные мотивы, и сочетание серьёзного с явной иронической ноткой, конечно же проглядывалось впоследствии и в сатирических стихах самого Маршака, не говоря уже о детских, где больше игры, чем назидания. А это очень нравится детям.

Робин-Бобин

Кое-как

Подкрепился

Натошак:

Съел телёнка утром рано,

Двух овечек и барана,

Съел корову целиком

И прилавок с мясником,

Сотню жаворонков в тесте

И коня с телегой вместе,

Пять церквей и колоколен,

Да ещё и недоволен!

(«Робин-Бобин»)

Но всё-таки иногда полезно было и напрямую преподать урок детворе. Тем более, что с возрастом Маршак уже неплохо разбирался в детской психологии. Так, из-за плохого зрения его не взяли на Первую мировую войну, а поручили в Воронеже оказывать помощь детям, эвакуированным из приграничных территорий. Будущий писатель оценил позднее, как много он взял из общения с этими детьми, как научился понимать их, а

также и то, как нужны им хорошие детские книжки. И прибегал иногда к ненавязчивым поэтическим урокам.

*...Знал одного ребенка я.
Гулял он с важной нянею.
Она давала тонкое
Ребенку
Воспитание.
Был вежлив
Этот мальчик
И, право, очень мил:
Отняв у младших
Мячик,
Он их благодарил,
«Спасибо!» — говорил.
Нет, ежели вы
Вежливы,
То вы благодарите,
Но мячика
У мальчика
Без спросу
Не берите!
(«Ежели вы вежливы»)*

Активная творческая жизнь Маршака началась в двадцатилетнем возрасте (заметим, что родился он в 1887 году), хотя отдельные публикации были и до этого, в основном в еврейских изданиях. Но постепенно стал чаще публиковаться в сатирических альманахах и журнале «Сатирикон», где познакомился с поэтом Са-

шей Чёрным. Какое-то время вместе с братом выпускал рукописный журнал «Черт знает что». Однако издание продержалось недолго, так как отец, Яков Маршак, своей волей прикрыл его из-за слишком вольных эпиграмм на общих знакомых. А сын действительно уже преуспевал в жанре сатиры, с которой не расставался никогда. Вот несколько примеров.

*Ты старомоден. Вот
расплата
За то, что в моде был
когда-то.*

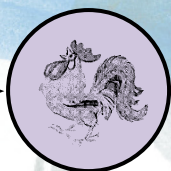
*Как вежлив ты в покое
и в тепле.
Но будешь ли таким
во время давки
На поврежденном бурей
корабле
Или в толпе у керосинной
лавки?*

И далеко не каждый может так пошутить о себе:

*Жил на свете Маршак
Самуил.
Он курил, и курил,
и курил.
Всё курил и курил
он табак.
Так и умер писатель
Маршак.*

Но конечно же основной его темой оставалась детская литература, её создание в молодой стра-

Прогуливался, однажды, под вечер Никита по саду и заметил кротиную нору. «А не познакомиться ли мне с Кротом? — подумал Никита. — Не заглянуть ли мне к нему в гости?» Превратился он в Мальчика-с-Пальчика и спустился в нору.

Смотрит, у входа фонарик висит, под ним табличка: «Лампа — для гостей. Встретив Крота, убавьте, пожалуйста, свет. Пощадите слепого!»

Крота поблизости не было. Поэтому Никита включил фонарик поярче и осмотрелся. Нора напоминала тоннель метро. Но только, конечно, без рельсов. И конечно же без поездов.

Повесил Мальчик-с-Пальчик лампу на шею и двинулся по норе. Потолок, стены и пол её украшали затейливые рисунки из вмурованных в землю корней трав, кустов и деревьев. Совсем уж тонень-

Об УЖаснейшем УЖе

кие корешки паутинными крУЖевами свисали со сводов, цеплялись за ноги. Порой тоннель натёк на толстое корневище какой-нибудь яблони, сливы или вишни и огибал его. И тогда корень выдавался из стены как часть причудливой колонны.

Кое-где от главного тоннеля вверх или в стороны уходили вспомогательные тоннельчики. Никита понял, что вверх ведут запасные выходы. А боковые коридорчики прорыты к кладовым, спальням и гостинным помещениям.

И тут вдруг, за поворотом, за мрачным корневищем-колонной, в мерцающем свете лампы Никита разглядел нечто серебрящееся и шевелящееся.

— Это ты, Крот? — спросил Мальчик-с-Пальчик, собираясь по инструкции притушить немного фонарь.

Ему никто не ответил. Никита прибавил шаг и нагнал... уползающий хвост. Кончик хвоста был тонкий, но дальше, утолщаясь, он заполнял собой чуть ли не всю нору.

— Эй, отзовись! — крикнул Никита владельцу хвоста. — Ты случайно не Крот? — И он подёргал скользкий, холодный, шевелящийся кончик.

— Сейчас, как укуш-ш-шу! Как УЖ-ж-жалю! — угрожающе загудело и зашипело далеко впереди. — Не-УЖ-ж-жто не видно, что я — УЖ-ж-ж!

— А где Крот? — спросил Никита. — Я пришёл к нему в гости!

— Я то-ж-ж-же при-ш-ш-шёл к нему в гос-с-сти, — прошипел УЖ. — И как только увиж-ж-ж-жу его, так сразу Ж-ж-же и проглочу! ПоУЖ-ж-жинаю! И буду-У Ж-ж-жить в его норе!

— Ну, УЖ нет, УЖ! — воспротивился Никита. — Вот УЖ этому, УЖ, не бывать! Вот УЖ так, УЖ, в гости не ходят!

И он наступил на вертящийся змеиный хвостик.

— Ох, укуш-ш-шу! — зашипел УЖ. — Ох, УЖ-ж-жалю! ПоУЖ-ж-жинаю!

Но Никита крепко прижал серебристый кончик к земле. И УЖ, как УЖ ни старался, УЖ как ни изворачивался, УЖ как ни шипел и ни злился, вырвать хвост, так и не сумел.

— С-с-сдаюс-с-сь! — взмолился УЖ. — Обещаю-с-с-с не есть Крота на УЖ-ж-жин! Не сУЖ-ж-ждено, видно, не сУЖ-ж-ждено!

— Вот УЖ это другое дело, — смиловился Никита, отпуская змея. — Ладно, УЖ, УЖ. Ползи, УЖ, УЖ, к выходу.

И УЖ медленно потащился по тоннелю. А Никита пошёл за ним следом, иногда наступая на змеиный хвост и поторапливая:

— Давай, УЖ, УЖ, побыстрее! Уползай УЖ, УЖ, восвояси, в свою лУЖу!

Но вдруг он увидел, как хвост потянулся вверх, в сУЖение запасного выхода. А УЖиное шипение послышалось... сзади! Никита оглянулся, и обнаружил... УЖасную УЖиную голову!

«Как же так? — удивился Никита. — Уже и спереди УЖ, Уже и сзади УЖ!»

И он, спасаясь от заднего, УЖасного УЖа, крепко ухватился за исчезающий хвост переднего. И стал подниматься вверх, выехал в сад, затем протаскился, держась за хвост, на животе волоком по траве, и снова вполз, но Уже в другой запасной выход, который находился позади первого. А через него он снова оказался в главном тоннеле.

Проделав на хвосте змея этот путь, Никита понял, что УЖ придумал преУЖаснейшую хитрость: изогнулся кольцом через один запасной выход, затем через сад и другой запасной выход снова в тоннель, чтобы сзади неожиданно напасть на Никиту. Но УЖ просчитался — его длины не хватило, кольцо не смыкалось, и он совсем чуть-чуть не доставал острыми зубами до ухватившего его за хвост МУЖественного Мальчика-с-Пальчика. Змее оставалось только разевать за спиной Никиты хищную пасть и шипеть:

— Ох, УЖ-ж-жалю! Ох, УЖ-ж-жалю, укуш-ш-шу! ПоУЖ-ж-жинаю!

Но УЖ не только шипел и угрожал. ГруЖённый вцепившимся в его хвост Никитой, в надежде всё-таки схватить Мальчика-с-Пальчика, змей несколько раз прокрутился по кольцу — тоннель, запасной

выход, сад, второй выход, снова тоннель. Так вертится разгневанный пёс, пытаясь выкусить ввешуюся в хвост блошку. В конце концов у УЖа закружилась голова, и он остановился.

УЖиная морда торчала в саду из одной норы, а хвост с уцепившимся за него Никитой — из другой.

— Как настроение, УЖ? Что-то ты перестал шипеть и жуЖжать? — поинтересовался Никита, прУЖинисто прогуливаясь по лУЖайке с УЖиным хвостом, как с рУЖьём в руках наперевес. — НеУЖто Уже передумал УЖинать несчастным Кротом?

— УЖ-ж-ж как-нибудь обойдусь без УЖ-ж-жина! Не сУЖ-ж-ждено, видно, не сУЖ-ж-ждено! Голова УЖ-ж-жасно кр-УЖ-ж-жится, — пожаловался змей.

— Смотри, УЖ! Будет ещё хУЖе! УЖо тебе! — пригрозил Никита и поправил сбившийся на спину, от ползания на животе, фонарик. — Но если пообещаешь УЖиваться с соседями по-хорошему, то я могу тебе и удрУжить. УЖ так и быть! СослУжу тебе добрую слУЖбу, отпущу твой хвост. Мне он не нУЖен!

— Клянус-с-сь! Всеми знакомыми УЖ-ж-жами и жуЖ-ж-желицами! Крот может ж-ж-жить не тУЖ — ж-жить! И он, и его будущие детки! И даже будущая сУЖ-ж-жена! Которая выйдет за него замУЖ-ж-ж! — взмолился УЖ..

Никита отпустил серебристый хвост. И УЖ, со злобными УЖимками, рыдая и причитая от досады и головокруЖения, потащился восвояси — погруЖаться в свою лесную лУЖу.

Но Никита всё-таки не совсем поверил коварному УЖу. И на следующий день он опять превратился в Мальчика-с-Пальчика, заглянул к Кроту в гости, попил с ним чаю и предупредил об опасности. И Крот, на всякий случай, завалил все входы и выходы из норы земляными холмиками. И отворял их, разрывая землю похожими на лопатки лапками, только для добрых гостей. Таких, например, как Никита, когда тот снова превращался в Мальчика-с-Пальчика.

Кристина ЗЕЛЕНКОВА

г. Медногорск, средняя школа № 3

Победитель районного конкурса

«Мой город мне дорог».

Храм

«Динь-дон-дон, динь-дон-дон...» Красивый мелодичный звон раздается со стороны гор, и я иду навстречу этому звону. Светает... На пригорке среди живописной долины возвышается невиданной красоты храм. Как белоснежный лебедь, плывет он среди неоглядного простора. С колоколни мирный и радостный перезвон возвещает начало нового дня... И я... просыпаюсь.

Мне рассказывали, что наш маленький уральский городок строился в знаменательное для страны время, он был одним из первенцев знаменитых пятилеток. В 30-е годы страна строила новую жизнь и отвергала все старое, в том числе и веру, которая, по мнению власти, мешала этой новой жизни.

Но разве можно сразу уничтожить то, что складывалось веками? Верующие люди продолжали веровать.

В 1943 году, после двух неудачных военных лет, политика государства в отношении религии чуть-чуть смягчилась, и в Медногорске разрешили построить молебный дом. Нет, на строительство не прибыли рабочие со специальной техникой, а пришли женщины, старенькие бабушки, дедушки и стали на своих руках носить длинные и тяжелые бревна. Так был построен молебный дом, который называли в честь святого Николая — Никольским. Самое интересное, что и первым священником был иеромонах Николай.

В 50-е годы над храмом опять нависла угроза уничтожения.

Ночью пригнали технику, чтобы разрушить здание храма. Но прихожане, узнавшие о задуманном зле, опередили власть: возле молебного дома выстроили

«живой забор». Так верующие отстояли свою церковь и не дали её разрушить. На какое-то время храм закрыли, но оставили на месте.

Прошло почти полвека. В настоящее время маленький голубенький домик со скромными куполами и старыми, много повидавшими на своем веку медными крестами по-прежнему ждет своих прихожан.

Заходишь в этот уютный домик, и твой взор устремляется на старинные иконы, с которых ласково смотрят на тебя лики святых. Как уютно чувствует себя в этом храме душа!

«Динь-дон-дон, динь-дилинь-дон...» — доносится звон с крошечной колоколенки возле храма. А я думаю, как же все-таки тесно сплетаются в один узел бывшее, нынешнее и завтрашнее. И ведь не случайно люди обращаются к истории своего народа, города, к памятным событиям и страницам прошлого. В них они ищут ответы на вопросы, волнующие их сегодня.

Прокопенко Вioлетта, 8 лет, ГБОУ Школа № 814, подразделение № 4, класс 2. «Уточки на прогулке»

Наш ВЕРНИСАЖ

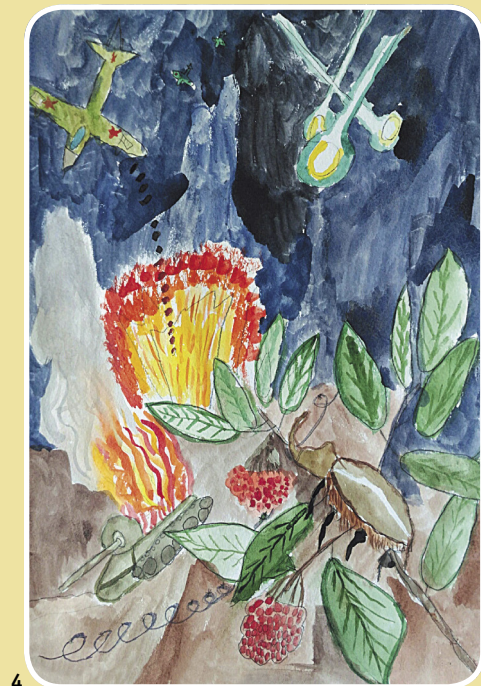
1

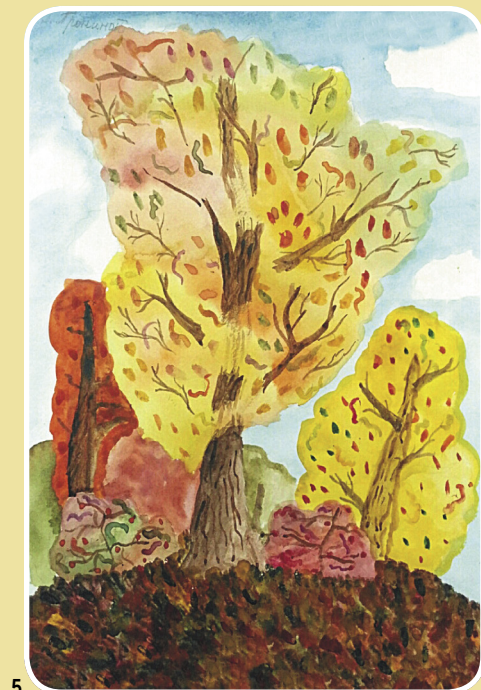
2

3

4

5

Рисунки из студии
«ШКОЛА МУЗЫКИ И КРАСКИ»

г. Московский

Руководитель Галина Лопачёва

1. Фёдор Кожурин

2. Вика Беляева

3. Виолетта Миракян

4. Юрий Коростелёв

5. Ольга Пронина

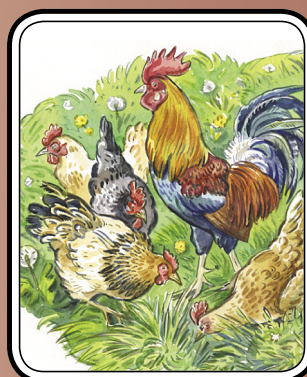
ЛИЦЕЙ:
Рождение книги

«...На заре, возвращаясь домой, отец Кронид слышит первого перепела. Он мягко трещит и предвещает знойный июнь...»

Б. Зайцев. «Священник Кронид»

Б. Косульников. «Священник Кронид». Иллюстрация

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Вернулись...

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Об ужаснейшем уже

**СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО
ТВОРЧЕСТВА**